

Глава 17. Паства

Профессор помог мне подняться, но ноги всё ещё подкашивались, а перед глазами плясали радужные пятна на чёрном фоне — как бывает, когда резко встаёшь после долгого сидения. Стоило ему отпустить меня, как я тут же пошатнулся, и он снова подхватил меня, подставив плечо.

Златовласый тем временем осмотрел труп волка со своей стороны. У того хищника были глаза — видимо, он появился из ниоткуда, чтобы действовать в паре с первым. Оглядев его, парень пнул тушу несколько раз и тоже подошёл к нам.

Я заметил, что голова волка была вывернута к груди, точь-в-точь как у жареной курицы; шейные позвонки и грудина, должно быть, разлетелись вдребезги. Одного взгляда хватило, чтобы я по-новому оценил боевую мощь этого человека.

«Значит, Старина Чэнь — мозг этой группы, а Златовласый — её мускулы»

Он быстро подошёл, и я, сам не зная почему, первым делом посмотрел на его штаны. Они сидели идеально, пуговица была на месте. Ничего и не скажешь.

«Какая мелочность. Теперь он меня раздражает всем своим видом»

— Старина Чэнь, в следующий раз хоть предупреждай, — пожаловался Чжоу Цзымо и совершенно естественно подхватил меня под другое плечо. — Что теперь делать?

— Что сделано, то сделано, — голос профессора был спокоен, и это спокойствие передалось и мне. — Ситуация ещё не стала необратимой. Переходим к плану «Б».

— Будет сделано.

Златовласый ответил так, будто был коренным китайцем.

Они вдвоём довели меня до палатки. Профессор вколол мне обезболивающее и принялся зашивать рану. Попутно они обмолвились, что остальные в безопасности и пока не приходят в себя.

— Куда они делись? — не удержался я от вопроса.

— Не задавай вопросов о том, чего детям знать не положено.

Собеседник тем временем рылся в чьих-то запасных вещах в поисках ремня.

— Закопали.

Движения профессора Чэня были отточенными и быстрыми. Когда он это сказал, я как раз повернул голову и увидел, как изогнутая игла выходит из моей кожи. У меня закружилась голова, и я поспешно отвёл взгляд.

— Закопали?

Я чувствовал, как дрожит мой голос. Тревога нарастала.

Профессор промычал в знак согласия и просветил меня насчёт одного из степных обычаев. В степи люди стараются ходить по возвышенностям, а не по низинам. Тому есть много причин. С научной точки зрения, в оврагах скапливается вода, и можно увязнуть. С точки зрения традиций, монголы иногда хоронят своих предков в оврагах, и ступать по ним — значит проявлять неуважение.

И, наконец, с точки зрения сверхъестественного, такие впадины считаются «иньскими», противоположными ровной земле. В них любит прятаться всякая нечисть, поджидая свою жертву.

В качестве примера Старина Чэнь рассказал историю о волке и лошади. Один пастух под вечер отправился на поиски отбившегося от стада скота и услышал из оврага блеяние овцы. Он поехал на звук, но не успел спешиться, как сзади на него бросился волк. Лошадь испугалась, оступилась и рухнула в низину.

А в овраге оказалось целое логово волчат. Волчица, напавшая на человека, видимо, тоже отбилась от стаи. Она была тощей и слабой и могла охотиться только таким способом. Пастух был беспомощен. Его конь, старый и верный, сломал ногу, но всё равно в ярости принялся топтать волчат. Хищница бросилась на лошадь, и пастух, воспользовавшись моментом, убежал.

Он знал, что конь выиграл для него время, и, добежав до своей юрты, горько заплакал. На следующее утро он вернулся на то место и нашёл трупы животных. Волчица была слишком слаба, чтобы справиться с рослым скакуном. Конь растоптал всех волчат, а самой волчице в итоге проломил грудину. Но та, умирая, мертвой хваткой вцепилась ему в горло; в итоге оба погибли.

Пастух был благодарен старому коню за спасение и в то же время восхищён отвагой матери, защищавшей своих детей. Он разделил их тела и похоронил по отдельности.

Эта история, видимо, должна была показать, что и у животных есть чувства. Звучала она вполне правдоподобно. Но профессор рассказал её, чтобы донести до меня простую мысль: в оврагах водятся волки и прочая нечисть, а у меня, такого неудачника, нет старого коня, который бы меня защитил, так что меня просто утащат.

Они использовали эту особенность оврагов, чтобы спрятать людей. Их уложили в безопасной низине, засыпали сухой травой и оставили одного-двух дозорных, а остальным дали какое-то снадобье, чтобы они уснули. В таком состоянии для тех существ они были «мёртвыми», а не живыми, и те не стали бы нападать.

Златовласого же оставили присматривать за мной. Я не просто спал, а впал в странное состояние комы. Чтобы я не мешал остальным, профессор поручил Чжоу Цзымо приглядывать за мной, пока он разбирается с другими.

Но вышло так, что проблемы начались именно у нас.

— Подождите, — вдруг понял я, — ваши приборы могут засечь приближение чего-то?

— Они засекают аномальные электромагнитные колебания, — ответил профессор. — Сопоставив это с некоторыми историческими данными... мы предположили, что это феномен, известный как «Паства».

Разумеется, я спросил, что это такое. Златовласый, видя, что на него не обращают внимания, слонялся по палатке, то и дело подбрасывая в руке лопату из нержавеющей стали. Непонятно, что он задумал.

Старина Чэнь продолжил объяснение.

«Паства» — это лишь условное название. Что это на самом деле, никто точно сказать не может. В степи много странных явлений, и не все из них поддаются объяснению.

Если вы живёте в городе, то, возможно, слышали поздно ночью звон колокольчиков, шум машины или свист на пустой улице. Можно подумать, что это обычные звуки, хоть и непонятного происхождения. Но на самом деле многие из них не связаны с деятельностью человека, а являются проявлением необъяснимого феномена.

В такие моменты мимо действительно что-то проходит, но обычные люди этого не видят. Эти сущности, в отличие от тех монстров, с которыми мы сражались, в большинстве случаев не обращают на людей внимания.

В некоторых местах их называют «ночными божествами» или считают процессией из подземного мира, шествием призрачных воинов. Но что это на самом деле — неясно. Все объяснения — лишь плод человеческого воображения. Те немногие, кто способен видеть истинную суть вещей, тоже не вдавались в подробности, советуя лишь не попадаться им на пути. К тому же, они редко появляются в людных местах.

Степная Паства — одно из таких явлений. Пастухи слышат гул, блеяние овец, мычание коров, лай собак — словно хозяин гонит своё стадо. Они считают это паствой богов и стараются

держаться подальше.

— Обычно это не представляет опасности, — сказал профессор, — но в последнее время активность Чёрной горы возросла. Когда Контакты учащаются, этот феномен тоже усиливается. Он не нападает на людей, но становится настолько сильным, что его можно увидеть.

— А вы видели? — спросил я.

— Тот, кто увидит, сойдёт с ума, — встрял Златовласый, не дожидаясь ответа. — Хотя мы-то выдержим, а вот у обычного человека мозги в кашу превратятся. — Он снова оглядел меня. — Ты, может, и выдержишь.

Почему опять речь зашла обо мне? Меня это взбесило. Будь у меня под рукой что-нибудь тяжелое, я бы в него швырнул.

— Мы с Чжоу видели, — сказал профессор. — Но сразу же отступили. Если попытаться описать... это не всегда что-то цельное. Иногда оно связано с местом, где появляется. И выглядит, прямо скажем, не очень приятно.

Я расспросил профессора ещё немного. В общем, Чёрная гора усиливает Паству, а Паства, в свою очередь, усиливает другие явления. В результате некоторые сущности становятся невероятно могущественными. Людей со слабой психикой нужно было спрятать в первую очередь, иначе могли случиться кровавые инциденты. Например, некоторые ночные случаи стрельбы вполне могли быть вызваны тем, что проходящие мимо сущности помutilи чей-то рассудок.

Мы поговорили ещё немного, и я, как и ожидал, выяснил, что он просто хотел дождаться, пока моё состояние немного стабилизируется, и только потом забрать меня. Кто же знал, что именно в этот момент будет проходить Паства, которая и приманит волка. Хорошо, что Старина Чэнь решил заглянуть.

Мне очень хотелось пожаловаться на подлость Златовласого. Если бы профессор не пришёл, со мной, может, ничего бы и не случилось, но такое халатное отношение выводило меня из себя.

Он ведь явно мог справиться с хищником в одиночку, но предпочёл наблюдать, как меня загоняют в угол. Почему? Неужели он думал, что я пробужу в себе скрытые силы и вступлю с волком в поединок? Если так, то он крупно ошибался.

Но я был жив, и в этом была и его заслуга, поэтому я промолчал.

Позже я узнал ещё кое-что. Изначально они не планировали убивать волка, потому что любая смерть могла привлечь Паству прямо к ним.

— Смерть часто ассоциируется с жертвоприношениями и ритуалами, — объяснил профессор. — Паства чувствительна к таким вещам.

Их план «А» состоял в том, чтобы прятаться, пока феномен не пройдёт. Но раз уж они себя обнаружили, пришлось переходить к плану «Б» — готовиться к последствиям.

— Паства будет посерьёзнее всего, с чем мы сталкивались раньше, — сказал он. — Особенно тебе нужно быть осторожным. Сегодня ночью спать нельзя. Во сне она может повлиять на сновидения, и ты рискуешь заблудиться в них и не проснуться.

Я кивнул.

Профессор Чэнь говорил очень складно, его рассказы было приятно слушать. Голос у него был ровный и спокойный, и я даже забыл, что мне зашивают руку. Только когда щёлкнули ножницы и он сказал: «Готово», — я опомнился и увидел, что рваную рану на руке уже зашили.

Шил он, похоже, хорошо. У меня было три рваных раны и несколько проколов. Швы были ровными — такое мастерство не отточишь, пришивая пуговицы. Видимо, он проходил специальную подготовку.

Хотя рука была под анестезией, а швы — аккуратными, смотреть на это было всё равно дурно. Шрамы останутся стопроцентно. Если выживу, буду всем рассказывать, что дрался с волком и уцелел.

На моём лице эти мысли никак не отразились. Профессор заклеил швы медицинским пластырем, а более мелкие царапины на щеке и шее обработал каким-то клеем. Он использовал пластыри, которые я видел в американских сериалах — они стягивали края кожи, способствуя заживлению.

Профессор наклеил мне целый ряд таких штук. Моё лицо, наверное, выглядело так, будто по нему прошлись степлером. Златовласый, глядя на меня, ухмыльнулся. Я метнул в него гневный взгляд, но он сделал вид, что не заметил. Когда же Чэнь, заметив нашу перепалку, посмотрел на него, тот уже как ни в чём не бывало разглядывал что-то в стороне.

«В школе он точно был из тех подлецов, что подставляют одноклассников перед учителем»

Они решили, что лучше остаться на месте, чем бежать в открытую степь. Радиус действия Паствы был огромен, как у тайфуна, и её влияние уже нас коснулось. Попытка убежать, скорее всего, закончилась бы тем, что мы просто заблудились бы. Лучше было переждать.

Профессор достал из аптечки какие-то таблетки, которые, по его словам, ослабляли воздействие Kontakta.

— Обычно мы их не принимаем, — сказал он. — После них собственное чутьё на опасность притупляется.

Я запил лекарство водой, но оно оказалось горьким. Я сделал ещё глоток, чтобы перебить вкус, но слишком торопливо, и поперхнулся.

Мне стало неловко. Я закашлялся, не в силах остановиться. Златовласый и профессор обернулись.

— Всё в порядке? — спросил Чэнь.

Я замотал головой и замахал руками, мол, всё нормально. Профессор отвернулся, а Златовласый продолжал смотреть на меня с полуулыбкой. Он наклонился к собеседнику и что-то тихо сказал.

«Смеёшься, ублюдок? — подумал я, продолжая кашлять»

Чжоу Цзымо протянул мне ещё один стакан воды. Я не хотел его брать, но всё же принял и сделал глоток.

Как же он меня бесит.

Мы сели на стулья в палатке и стали ждать. Это была не та палатка, где на нас напал волк — ту он прорвал сбоку, и она была непригодна. Эта использовалась для хранения оборудования и была небольшой. Мы втроём сидели на складных стульях под светом яркой энергосберегающей лампы, в пределах видимости друг у друга.

Златовласый и профессор о чём-то болтали. По моим стереотипным представлениям, их разговоры должны были вращаться вокруг контактов и прочих рабочих тем, как у коллег.

Но, к моему удивлению, они почти не касались этих вопросов. Говорили в основном о путешествиях, о местах, где бывали, о еде, которую пробовали, и даже сплетничали о том, кто женился и у кого родился ребёнок. Это было поразительно.

«Они настоящие друзья, — я сидел, теребя шнурок на куртке, и думал о том, что, несмотря на разницу в характерах, они были людьми из одного мира»

Правда, когда Златовласый с воодушевлением начал: «А ты знаешь, что тот-то, говорят, изменил жене, и его любовница забеременела, а жена теперь за ним гоняется?», профессор лишь ответил: «Я в курсе», — и не стал развивать тему, что принесло мне некоторое облегчение. Почему-то мне казалось, что учёного человека такие вещи не должны интересовать.

Возможно, профессор Чэнь был просто слишком сдержанным. Я не мог представить, чтобы он интересовался чужой личной жизнью.

Я ничего не знал о том, о чём они говорили, и просто сидел, скучая. Профессор несколько раз посмотрел на меня, словно пытаясь вовлечь в разговор, но Златовласый, совершенно не обращая внимания на других, продолжал увлечённо тараторить. Разница в их воспитании была очевидна.

Сидя так, я начал клевать носом. Голос Чжоу был достаточно громким, чтобы я не уснул окончательно, но от усталости всё плыло перед глазами, и я не мог сфокусировать взгляд.

Я пытался придумать, чем бы себя занять, чтобы взбодриться, но мозг отказывался работать. И тут я заметил тёмное пятно у входа.

Я моргнул и посмотрел снова. Это был отогнутый угол полога. Застёгнутая палатка каким-то образом снова бесшумно открылась.

Неужели что-то вошло?

Холодный пот выступил у меня на лбу. Профессор сидел ближе, и я, боясь спугнуть неведомое, отчаянно пытался подать ему знак глазами. Но он не смотрел в мою сторону.

Ни один из них не выказывал беспокойства. Я подумал, что мне показалось, и ещё раз внимательно осмотрел тёмные углы. Ничего. Я с сомнением отвёл взгляд, но, не успев до конца повернуть голову, увидел, что за спиной Старины Чэня кто-то стоит. Тихо, без единого звука.

Его глаза, большие, чёрные и блестящие, отражали свет нашей лампы крошечными искорками. Существо неотрывно смотрело на нас. В слабом свете я разглядел ровный ряд белых верхних зубов.

В темноте кто-то улыбался.

Я вскочил на ноги так резко, что опрокинул стул, споткнулся и повалил за собой грудку посуды. Грохот разнёсся по всей палатке, напугав меня самого.

Я рухнул в кучу хлама и, ошарашенно подняв голову, увидел перед собой лицо Златовласого. Он протянул руку и рывком поставил меня на ноги.

— Профессор! — заорал я, едва встав. — У тебя за спиной!

Профессор Чэнь, который уже смотрел в мою сторону, обернулся. Одного взгляда хватило. Их

глаза встретились.

Златовласый оттолкнул меня назад. Профессор тоже быстро отступил на пару шагов. Существо не двигалось и не исчезало. Мы осторожно отошли к краю освещённого круга, и только тогда оно медленно вышло на свет.

Оно двигалось с отвратительным хлюпающим звуком. Каждый его медленный шаг сопровождался долгим, влажным чавканьем, словно кто-то бил молотком по склизким внутренностям.

Сначала мы увидели его руки, потом туловище, и, наконец, ноги.

К горлу подступила желчь, и меня вырвало. Лица профессора и Златовласого тоже побледнели, но они держались лучше меня.

Это был не человек, а чудовищная овца.

Тот, кто её создал, явно не стремился к совершенству. Она походила на неудачную поделку из глины, которую ребёнок в ярости смял и бросил. Было очевидно, что раньше она была чем-то другим. Чем-то, что мы хорошо знаем. Чем-то, к чему принадлежим мы сами.

Раньше это существо было человеком. Об этом говорило его искажённое, но всё ещё узнаваемое человеческое лицо. Кожи на нём не было, отчего глаза казались огромными. Но губы остались, и они застыли в вечной улыбке, обнажающей восемь зубов.

У него не было ни волос, ни шеи. То, что это была именно овца, не вызывало сомнений — создатель явно хотел на это намекнуть. Её «шерсть» состояла из кишок. Мягкие, влажные внутренности были искусно уложены, покрывая её с головы до ног, словно курчавая овечья шкура.

Если бы это было просто фантастическое чудовище, оно, возможно, не вызывало бы такого отвращения. Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять — всё было сделано очень «научно». Ничего лишнего. Даже кишки, пошедшие на отделку, были использованы по максимуму.

Потому что оно было сделано не из одного человека. Туловище создания было слишком длинным для обычной овцы. Из окровавленного месива плоти, словно лапки сороконожки, беспорядочно торчали семь или восемь пар человеческих рук и ног. Некоторые были покрыты кожей, некоторые — нет. Они хаотично двигались, помогая существу передвигаться.

Голые ладони, покрытые кожей или ободранные, шлёпали по земле, издавая странный звук, похожий на аплодисменты.

Так оно, медленно и с улыбкой, вышло на свет и остановилось. Оно смотрело на нас своими глазами без век. Оно не могло моргнуть.

Любой, увидев такое искажённое человеческое тело, не смог бы сдержать рвоту. Я спрятался за спину Златовласого. Я не мог больше на это смотреть. Он заслонил меня, и я вцепился в его одежду. Я чувствовал, как учащённо бьётся его сердце.

Я боялся говорить. Профессор достал маленький фонарик и включил его. На стене палатки появилось световое пятно.

Глаза существа тут же метнулись к нему. Оно замерло на мгновение, а затем двинулось к свету. Снова раздался этот шлепающий звук множества рук и ног. Я не выдержал, и меня вырвало во второй раз.

Профессор Чэнь осторожно переместил луч фонаря за пределы палатки. Чудовищная овца последовала за ним, сама отодвинула полог и выползла наружу. Тогда он быстро выключил фонарик.

Звук удалялся. Я закрыл глаза, но образ этого существа отпечатался в моём сознании. Стоило лишь подумать о нём, как к горлу снова подкатывала тошнота.

— Что это? — мой голос дрожал.

Златовласый помог мне сесть. Он тоже выглядел неважно.

— Овца, — сказал он.

Я и так знал. Оно всем своим видом кричало, что оно — овца. Но я также понимал, что это не так. Это были люди. По меньшей мере семь или восемь человек, сшитых вместе в некое подобие живого существа, которое по какой-то причине всё ещё дышало.

Я хотел спросить ещё что-то, но подошёл профессор и положил руку мне на плечо.

— Её зовут Овца, — сказал он.

— Если дать ей понять, из чего она состоит, её части обретут сознание, — его голос был тяжёлым. — Но этот процесс необратим. Сейчас, окутанные туманом, они могут сохранять этот образ. Это лучше, чем осознавать, что с ними произошло.

— Но почему... — с трудом выговорил я. — Почему они стали... материалом?

— Причин много.

Он сел рядом. От него исходила волна усталости.

— Войти в дверь, подняться по лестнице, бесследно исчезнуть... Иногда от них не остаётся и следа. Иногда они на короткое время возвращаются в этот мир в разных формах. Например, в Пастве или в шествии призрачных воинов, — он вздохнул. — Мы не можем их спасти. Но самое мучительное то, что они всё ещё не теряют надежды на спасение.

— Их притягивает любой источник света. Возможно, в их сознании свет — это символ безопасности.

Мы замолчали. В голове был сумбур. Я думал, что Паства — это нечто нематериальное, призрачное, а оказалось, что это нечто вполне осязаемое. И то, что эти существа сохранили человеческое сознание, делало всё ещё более отвратительным.

— Вы... вы раньше видели такое?

— Нет, — ответил он.

— Тогда откуда вы знаете, что её зовут Овца?

Профессор усмехнулся.

— Ты научишься понимать намёки Чёрной горы, — сказал он. — Иногда, как и в случае с костяными шариками, она просто хочет, чтобы ты оценил её чувство юмора.

<http://bllate.org/book/13479/1691055>